

В этой проклятой жизни все узнаешь. Кажется, я уже начинаю узнавать. Просто внутри все умирает, и тогда все очень легко. Живешь, не живя, как очень многие люди почти всю жизнь. Наверно, так оно и бывает. Наверно, так оно и должно быть.

*Э. Хемингуэй.
«Иметь и не иметь»*

Начало

Берлин. 21 октября 1999 года

По существу, это пригород большого Берлина. Когда еще существовала Стена, это был городок с местным самоуправлением в пригороде Восточного Берлина. Однако после объединения Германии мегаполис стал стремительно расширяться, и через десять лет Нойенхаген можно было смело назвать пригородом Берлина.

Моросил дождь. Дитрих Барлах сидел в автобусе, глядя на серые дома, проплывающие мимо него. Его одутловатое, изборожденное морщинами лицо носило отпечаток тех испытаний, которые судьба преподнесла этому преуспевавшему некогда человеку. Рядом смеялись молодые люди. Они целовались, не обращая внимания на пассажиров. Барлах отвернулся: его это раздражало.

В Нойенхагене он вышел за два квартала до своего дома. Привычка из осторожности проходить это расстояние пешком сказалась и на этот раз. Кажется, из автобуса больше никто не вышел. Барлах оглянулся. Болели ноги. В его возрасте ноги еще не должны беспокоить. Ему только пятьдесят два года. Но они болят. Наверно, он застудил их в те осенние дни восемьдесят девятого, когда приходилось часами стоять на этих проклятых митингах, сдерживая напирющую толпу. В конце концов, он сам виноват, что все так получилось. Другие устроились лучше. Впрочем, если все получится, он наконец наладит и свою жизнь. Вставит новые зубы, купит бунгало где-нибудь на островах Тихого океана или домик в США. Найдет приличную женщину, конечно, немку, американки ему всегда не нравились. Заведет себе детишек, вылечит отмороженные ноги, застарелый радикулит и наконец сможет жить, как должно жить человеку.

Барлах посмотрел в стекло витрины магазина. Через него можно увидеть любого, кто будет его преследовать. Но кроме молодой женщины с ребенком, спешившей в другую сторону, никого не было.

Бывшие пригороды Восточного Берлина все еще оставались «советскими» городками, с казарменным обликом улиц, кварталов, с безликими домами, построенными по типовым проектам. Барлах переехал сюда много лет назад, после развода с женой. Тогда в городке еще можно было услышать смех и увидеть счастливых людей. Потом их становилось все мень-

ше и меньше. Молодежь переселялась ближе к центру или уезжала на Запад. Здесь остались только пенсионеры и люди, разуверившиеся в новых преобразованиях.

Барлах пошел дальше. У своего дома он встретил соседа. Они жили в одном подъезде, но до сих пор не были знакомы и не знали друг друга по имени. Буркнув приветствие, Барлах вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. Войдя в квартиру, он услышал привычное мяуканье и горько усмехнулся. С прошлого года единственным его близким существом была кошка, которую он подобрал на улице. Барлах снял старую куртку и повесил на вешалку. Затем достал сигареты и отворил дверь на балкон, чтобы выйти и закурить. Такая привычка осталась еще с тех пор, когда он был женат, — его супруга не выносила табачного дыма. Сейчас он был один и мог курить, даже лежа в постели. В этой квартире никто не нарушал его одиночества. Женщины его давно не интересовали, а друзей у него не осталось. За исключением одного, которому он очень верил.

За спиной мяукнула кошка. Барлах обернулся и усмехнулся. Хочет молока. Он прошел на кухню, достал пакет с молоком и тарелку.

— Иди, — позвал он кошку, поставив тарелку с молоком на пол.

Он не заметил стоявшую около дома машину, которая выехала из-за угла, когда он уже вошел в дом. Это был темно-серый «Фольксваген». В нем находились два человека. Сидевший за рулем взглянул на

своего спутника. Тот кивнул. Не было произнесено ни слова. Второй достал мобильный телефон.

Барлах еще раз позвал кошку. Она почему-то не пришла на кухню. Он разозлился. В конце концов, он не обязан кормить ее, выкраивая марки из своей пенсии.

— Где ты? — зло спросил Барлах.

В столовой послышался шум. Он прошел в комнату и увидел, что кошка выскочила на балкон.

— Черт тебя возьми, — выругался Барлах, — еще не хватало, чтобы ты носилась по балконам!

Он поспешил за кошкой. И, проходя через столовую, механически включил свет. Сидевшие в «Фольксвагене» увидели, как загорелся свет в доме. И один из них, державший в руках аппарат мобильной связи, начал набирать номер. В этот момент Барлах вышел на балкон. Он не мог представить, что это маленькое животное спасет ему жизнь. Выйдя на балкон, он увидел, как она спускается по водосточной трубе.

— Куда? — хотел крикнуть Барлах, но в этот момент раздался телефонный звонок. Он обернулся. Телефон зазвонил второй раз.

Откуда ему было знать, что именно два телефонных звонка служили условным сигналом для включения взрывного устройства. Барлах смотрел на аппарат, понимая, что нужно войти в комнату и взять трубку. И в этот момент раздался страшный взрыв. Взрывной волной его выбросило во двор вместе с оторвавшимся от здания балконом. Очевидно, даже

немецкие строители, построившие дом в начале семидесятых, не полностью избавились «от родимых пятен социализма» и сэкономили на цементе. Балкон оторвался и рухнул.

Барлах был еще в сознании, когда услышал завывание полицейской сирены и почувствовал, что чьи-то руки осторожно поднимают его голову.

— Кажется, он еще жив, — взволнованно сказал кто-то из соседей.

Барлах с трудом открыл один глаз. Последнее, что он увидел, — кошку, смотревшую ему в глаза, и потерял сознание.

Москва. Ясенево. 23 октября 1999 года

— Как это могло случиться? — Он спрашивал тем свистящим шепотом, который выражал высшую степень негодования.

— Мы ничего не понимаем, Георгий Самойлович, — оправдывался сидевший перед ним генерал. — Все было сделано, как нужно. Он вошел в дом и включил свет. Кроме него, в квартире никого не было. Наши сотрудники вывели сигнал на телефонный звонок. Это самая надежная система. Взрыв происходит даже в том случае, если объект не поднимет трубку. Два звонка — и сигнал срабатывает.

— Значит, он не сработал, — зло прервал хозяин кабинета, — и Барлах остался жив. Он тяжело контужен. Его отвезли в больницу. Неужели нельзя было выполнить задание нормально?

— Это случайность. Там были наши лучшие специалисты. Барлах вышел на балкон как раз в тот момент, когда произошел взрыв. И балкон оторвало взрывной волной. Это абсолютная случайность, Георгий Самойлович. Мы попытаемся исправить свою ошибку и достать его в больницу.

— Случайность, — зло повторил за генералом его собеседник. — Вы могли бы знать, что в нашем деле случайности недопустимы. И в больницу лезть не нужно. Он ведь только передаточное звено. Необходимо выявить его источник и постараться ликвидировать этого человека до того, как он передаст сведения Барлаху.

— Так точно, Георгий Самойлович. На этот раз мы не допустим случайностей.

— Надеюсь, — он помолчал. — Мы проанализировали состав их группы. Все наши аналитики полагают, что это Фредерик Нигбур. Если вам удастся ликвидировать информатора, мы будем гарантированы от всяких неожиданностей, связанных с Барлахом. Вы меня понимаете, генерал?

— Два дня, — кивнул генерал, поднимаясь со стула. — За два дня мы решим эту проблему. Я даю вам слово.

Гамбург. 25 октября 1999 года

Пригород Гамбурга Ольсдорф находился рядом с аэропортом Фульсбюттель, и он часто слышал шум взлетающих самолетов, когда проезжал по трассе, ве-

дущей на север. Сегодня утром он должен был отправиться по делам их фирмы в Любек. Нигбур считал, что ему повезло. Даже несмотря на то что он жил с семьей в небольшой квартире, за которую платил так много. Даже несмотря на характер его работы, связанной с постоянными переездами по делам их машиностроительной фирмы. Другие сотрудники бывших спецслужб ГДР не могли найти и такой работы. Это был своеобразный «волчий билет» — бывших сотрудников «Штази» не брали на работу ни при каких обстоятельствах. А тем более — в западных землях. Ему помог брат жены. Юрген пригласил их в Гамбург, где Нигбура никто не знал. Правда, он честно указал в анкете, что работал сотрудником министерства безопасности Восточной Германии, но руководитель фирмы был родом из восточных земель и не придавал этому никакого значения.

Нигбур сильно изменился за последние десять лет. Он поседел, поправился, отпустил небольшой животик. В свои сорок пять он стал грузным, мрачным бюргером. Его интересовали только проблемы его семьи и работы. Сегодня нужно было выехать пораньше, и он предупредил жену, что уедет в восемь утра. Вчера сообщили, что возможен туман на дорогах, и он решил отправиться немного раньше, чтобы успеть к вечеру вернуться домой.

Его старый «Рено» стоял около дома. У него не было денег на гараж и на другую машину. Приходилось довольствоваться этим автомобилем. Правда, Нигбур со свойственной немцам упертостью был

уверен, что рано или поздно он сумеет подняться. Дела в их компании шли неплохо, и ему совершенно определенно обещали повышение по службе. Ценилось и его знание языков — русского, чешского, английского.

Выйдя из дома, он увидел у своей машины двух полицейских. Только этого не хватало. Он всегда невольно нервничал, когда встречал полицейских у своего дома. Как будто он все еще ждал неприятностей из-за своей работы в «Штази». Правда, его вызывали несколько раз в качестве свидетеля в суд, но никто и никогда не предъявлял ему конкретных обвинений.

Один из полицейских наклонился, очевидно, рассматривая колеса. Затем поднялся. Нигбур подошел.

— У меня проблемы? — заискивающе улыбнулся он. — Доброе утро. Здесь стоянка разрешена.

— Все нормально, — ответил полицейский. В его речи чувствовался акцент. Наверно, он из судетских немцев. Они говорят с таким акцентом. Хотя только старики, у молодых его уже нет.

— Спасибо, офицер. — Нигбур сел в свой «Рено» и, осторожно вырвав, отъехал от дома.

Сотрудники полиции долго смотрели ему вслед.

— Все в порядке, — сказал один из них, обращаясь к другому. Он посмотрел на своего напарника, и тот кивнул, вдруг добавив по-русски:

— Нужно проследить.

Они быстро подбежали к светлому «Опелю», стоявшему метрах в двадцати, и выехали за автомобилем

Нигбура, ориентируясь на маяк, установленный на его машине.

Нигбур выехал на дорогу и, обогнув аэропорт, направился через Лангенхорн на трассу. Через несколько минут его автомобиль уже двигался по трассе, набирая скорость.

«Нужно попозже позвонить домой», — подумал Нигбур. Хотя он через полтора-два часа уже будет в Любеке и сможет позвонить, после того как закончит дела. Он посмотрел на часы. Если все будет нормально, он успеет сегодня вернуться в Гамбург. Не хотелось бы оставаться в придорожной гостинице. Он не любил отели, их стандартные запахи и безликие номера.

На трассе его «Рено» набрал довольно приличную скорость. Стало больше машин. Немцы — трудоголики и поэтому поднимаются с рассветом. Он обратил внимание на появившийся позади него белый «Опель», который почему-то его не обгонял и держался на почтительном расстоянии.

«Странно...» — подумал Нигбур. Привычка отмечать автомобили, идущие на трассе за его машиной, стала частью его натуры. Он нахмурился. Неужели появление полицейских было запланировано и за ним теперь организовано внешнее наблюдение? Только этого не хватало. Хотя чему удивляться? Все бывшие сотрудники «Штази» находились под пристальным вниманием западногерманских спецслужб.

Туман сгущался. На одном из поворотов Нигбур вспомнил о полицейском. «Акцент, — подумал